

ФЕСТИВАЛИ, КОНКУРСЫ, КОНЦЕРТЫ

Конкурс «100 сказок о книге и чтении»

Дорогие друзья! Школьные библиотекари и школьники, включившиеся в конкурс «100 сказок о книге и чтении»!

Окончился срок приема работ участников. Жюри, которое возглавляет сам инициатор конкурса профессор Юрий Николаевич Столяров, с энтузиазмом работает над присланными материалами. Сколько рисунков, сколько красивых поделок: и вырезное озеро с кувшинкой и лягушкой-квакушкой, и чудесный двухтомник-шкатулка, а в нем — работа участника конкурса. На конкурс присланы и написанные старательным ребячьим почерком письма школьников, и материалы учителей и библиотекарей. Спасибо большое всем, кто сам «заразился» идеей конкурса и «заразил» ею своих читателей!

Сегодня в нашей рубрике мы публикуем статью профессора Ю.Н. Столярова и работу конкурсанта Кристины Неверовой из школы № 49 г. Перми.

Ю.Н. СТОЛЯРОВ,
профессор, академик Российской академии информатизации

Загадки о грамотности, чтении, письменности

ОТ АВТОРА:

Дорогая редколлегия!

Я начал читать работы, присланные на конкурс, и вижу, что библиотеки вокруг нашего конкурса проводят большую работу: утренники, викторины, линейки, вечера и пр. А в сценариях тема книги звучит не всегда. Эти мероприятия можно заметно обогатить, если насытить их относящимися к делу текстами. Я предлагаю поместить в «Школьной

библиотеке» материал, который обогатит возможности школьных библиотекарей и — главное — будет работать на основную идею — повышение уровня книжной культуры через приобщение к истокам народного творчества. Предлагаемый материал может быть использован, как мне кажется, в массовых мероприятиях и на другие темы.

С уважением,
Юрий Николаевич Столяров

Внимание к тематике, связанной с грамотностью, чтением, письменностью, активно проявляется в загадках.

В них находит отражение позитивное отношение к человеку, который умеет писать: «Семя

плоско, поле гладко, кто умеет, тот и сеет»; «Семя не всходит, а плод приносит». В сербской загадке о письме: «Белая нива, чёрное семя, мудрая голова, которая сеет» — сеющий буквы (чёрное семя) характеризуется как мудрый (мудрая голова).

В великорусском варианте эта загадка звучит так: «Белое поле, чёрное семя, кто его сеет, тот разумеет» (вариант: «Поле бело, семя чёрно, кто его сеет, тот разумеет»).

Наличие этой загадки у разных славянских народов свидетельствует о её широкой популярности, наглядно иллюстрирует идентичность мышления представителей разных ветвей славянства.

Если в загадке не проводится никакой идеи, и она направлена просто на проверку смекалки:

«Ни небо, ни земля,
Видом светла,
Садятся на ней
Тенообразные [похожие на тень, тёмные] птицы»
(бумага и буквы), —

то ценность такой загадки состоит в том, что она по крайней мере привлекает внимание к данной теме, свидетельствуя о её социальной ценности.

Загадки этого рода наиболее многочисленны. Их разгадыванием занимались, чтобы скрасить свой досуг, и таким образом тема письменной культуры ненавязчиво усваивалась как социально значимая.

В целом же посредством загадок проводилась идея необычайных и чрезвычайно полезных свойств написанного текста. С помощью

загадок обучали грамоте, используя их как занимательную форму, облегчающую усвоение написания отдельных букв. Например: «Два косяка с притолокой, два полколеса, два стяга с колесом, два стяга с крючком» — каллиграфическая буква «П» — П.

Излюбленным предметом загадок являются инструменты письма, особенно перо:

«Голову срезали, сердце вынули, дают пить, велют говорить», «Сверху пушисто, снизу остро, всунешь — сухо, вынешь — мокро», «Родился от плоти, а крови нет; грамоты не знаю, а век пишу».

О карандаше сложена загадка «Мал малыш, а мудрые пути кажет». Удивление перед этим свойством здесь сочетается с долей назидательности.

Предметом загадки служит писчий материал — бумага:

● «Расстилается по двору белое сукно; конь его топчет, один ходит, другой водит, чёрные птицы на него садятся».

● «Ни небо, ни земля, собой — бела; трое по ней ходят, одного водят; два согладают, один повелевает». Это бумага, пальцы (три пальчика «ходят», то есть держат ручку), ручка < или карандаш > (одного водят). Дальше можно разгадать так: два глаза «согладают», а голова — повелевает.

● «Родился от плоти, а крови нет; грамоты не знаю, а век пишу (перо)».

Письмо как объект переписки тоже выступает предметом загадок: «Семя плоско, поле гладко, кто умеет, тот и сеет; семя не всходит, а плод приносит», «В лесу дрова рубят, а к нам щепки летят», «В лесу (в Питере, в Москве, в городе) дрова рубят, а к нам (а по всем городам, деревням) щепки летят», (вариант: «В Москве рубят, а сюда (а к нам) щепки летят (письма, газеты)», «Без рук, без ног, а везде бываю», «За морем дуб горит, оттуда искоря¹».

Существуют загадки, прямо посвящённые книге. В одних отражаются конструктивные особенности книги как материального объекта.

Таковы следующие загадки: «Не куст, а с листочками, не рубашка, а сшита», «Беленькая земля с чёрными пташками». Прелесть этим загадкам придаёт их своеобразная одомашненность, ласковые интонации, уменьшительные обороты речи, закрепляющие в сознании отношение к книге как к чему-то своему, близкому, родному.

Другие загадки отражают семантику текста. В них отмечены основные и самые удивительные, даже парадоксальные особенности и свойства книги: «Кто говорит молча?», «Не человек, а рассказывает», «Умная, но не живая. Учит, но не мая».

Закон независимости сосредоточенной в книге информации от числа пользователей народ приметил в загадках типа «Один заварил, другой налил; сколь ни хлебай, а на любую артель ещё станет».

Замечена и способность книги передавать информацию только грамотным, или, шире говоря, способным постигнуть смысл: «Под крыльцом, крыльцом яристом, кубаристом лежит каток некатаный; кто покатает, тот и отгадат».

Загадок, посвящённых семантике книги, значительно больше, чем её материальной составляющей. Из этого можно сделать вывод о правильном выборе приоритетов при восприятии книги как целостного объекта.

Пишущий человек — ему посвящена загадка: «Земля бела, семена черны; пятеро пашут, двое блюдут, один управляет». Того же плана приведенная уже загадка: «Ни небо, ни земля, собой — бела; трое по ней ходят, одного водят; два

¹ Искоря — искры.

соглядаят, один повелевает (бумага, пальцы, перо, глаза, ум)», «Ни небо, ни земля, собой — бела: двое глядят, трое работают, один повелевает (бумага, глаза, пальцы, ум)», «Расстилается по двору белое сукно: конь его топчет, один ходит, другой водит, черные птицы на него садятся (бумага, перо, рука, буквы)».

По многочисленности и разнообразию загадок можно лишней раз заключить, что письменное общение было широко представлено в обыденной жизни широких слоёв населения.

В подавляющем большинстве загадок тем или иным образом отражена тема счёта, арифметической грамотности. Рассматривая всё, что связано с нею, как составную часть книжной культуры, можно констатировать, что **тема меры, счёта была народу более близка, чем тема грамотности.**

Объяснение тому простое: с вопросом меры, счёта крестьянин, мещанин, купец — одним словом, представитель любого сословия — были связаны повседневно и очень тесно. Показать свои математические способности и проверить их у собеседника — это составляло, по-видимому, заметную часть досуга наших предков — и не только простолюдинов.

В загадках получили отражение числа первой сотни. Нередко в одной загадке фигурирует несколько чисел. Приведём примеры:

Один, единица: «Один говорит — побежим, другой говорит — полежим, третий говорит — покачаемся (вода, жёрнов, колесо)». «Стоит Трошка на одной ножке, крошит крошки (светец, лучина, свеча)».

Два: «Два борова дерутся, промеж их пена валит (мельница)», «Два братца глядятся, а вместе не сойдутся (пол и потолок)».

Три: «На свете три кривобоины (дорога, река, изгородь)».

Четыре: «Под одной шляпой четыре брата стоят (стол)».

Пять: «Пять подъедают, а пять подгоняют (пальцы и пряжа)», «В пяти колодчиках сидят пять молодчиков (перчатки)».

Семь: «Зверок с вершок, а хвост семи вёрст (иголка с ниткой)».

Сто: «Каркнул ворон на сто городов, на тысячу озер» (гром);

«Сто гостей, сто постелей: у каждого гостя своя постеля» (брёвна избы), «На ямке, ямке сто ямок с приямком» (напёрсток); «Сто одежек, и все без застежек» (капуста).

Больше всего загадок с использованием чисел два, четыре.

А вот еще загадка, которая всегда вызывает у ребят желание подумать:

«Стоит дуб, на дубу двенадцать гнезд, на каждом гнезде по четыре синицы, у каждой синицы по четырнадцать яиц: семь беленьких да семь черненьких» (Год, месяцы, недели, дни и ночи).

ПОСЛОВИЦЫ

Ещё более богат репертуар пословиц, поговорок, присловий и иных видов малого фольклорного жанра.

Автор статьи «Педагогические размышления по поводу пословиц русского народа» В.З. Дуликов писал: «Удивительное дело — пословицы русского народа. Вроде бы всё про них известно. Это и копилка (кладезь) народной мудрости, учебник жизни наших дедов и прадедов, древо познания добра и зла. Это и удачно, в краткой форме выраженная по тому или иному поводу мысль. Это и просто пример красноречия, произведение устного народного творчества. Всё это так, конечно. Но <...> по нашему мнению, ни духовный, ни нравственный, ни житейский (не говоря уже об эстетическом) потенциал пословиц русского народа далеко не исчерпан».

Это суждение в полной мере относится к пословицам, связанным с различными проявлениям письменной культуры. Среди приблизительно двенадцати с половиной тысяч обследованных пословиц самую большую долю (около 10 процентов) составляют те, что посвящены различным аспектам письменной культуры, в том числе счёта. В своей совокупности они отражают широкий спектр народного отношения к учёнию, грамоте, служебному документу, книге.

В большинстве случаев — это отношение уважительное, даже почтительное, нередко — назидательное: «Сперва «аз» да «буки», а потом — все науки», «Для учёнья нет старости», «Книгами — не лодыгами играть», «Торговля грамотит (вынуждает быть грамотным) мужика», «С миру по нитке — учителю книга», «Не пером пишут, а умом», «Живи в тиши, а к нам грамотки пиши», «Грамота — второй язык», «Говорит как книга», «Кто больше знает, тому и книги в руки» и многие другие.

В раздел пословиц В.И. Даль включил даже суждение «Всё товар, и мусор товар, а книги —

не товар (сказал гр. Канкрин, когда Смирдин просил ссуды под свою библиотеку)».

О знатоке письменного дела народ отзывается одобрительно: «Это писал такой, что перо за ухом (дока, знаток)», «Как “Отче наш” знает. “Аллилуйя” у Гурья давно тверда», «Кто больше знает, тому и книги в руки», «Не уча (неуча) в попы не ставят». Существовало понимание того, что «Не красна книга письмом, красна умом», «Ученье — свет, а неученье — тьма». Высокий престиж ученья, знания отразился в пословицах «Наука — не мука», «Красна птица перьем, а человек ученьем», «Ученье лучше богатства», «За учёного двух неучёных дают, да и то не берут».

О начитанности (наслышанности) народа свидетельствует широко распространённая пословица «Помяни, Господи, царя Соломона и всю премудрость его (царя Давида и всю кротость его)».

Пословицы отразили высокий авторитет написанного текста: «Быть по сказанному, что по писаному», «Лучше печатного не скажешь». Первая из приведённых пословиц явно сближает её со сказочным присловьем «Что ни в сказке сказать, ни пером описать».

В пословицах типа **«Кто грамоте горазд, тому не пропасть»**, **«Грамоте учиться — всегда пригодится»**, **«Побольше грамотных, поменьше дураков»**, **«Написано пером, не вырубить и топором»**, **«Перо смелее языка. Язык коснеет, а перо не робеет»**, **«Супротив печатного (газетного) не соврешь»**, **«Читай, не вертись, а что написано, не сердись»** и им подобным отражается высокий престиж грамотности. Наивысший её уровень выражен во фразеологизме «Читать между строк».

К овладению грамотой должны стремиться и бедняки: «Мы, бедные, учимся на медные, а богачи — на рублевички».

Овладение грамотой мало что даёт бедняку в материальном отношении: «Ныне много грамотных, да мало сытых», «Богатые — те деньги учат, а бедные — те книги мучат».

Зато те, кому удалось «выбиться в люди», похваляются: «Люди мы неграмотны, а пряники едим писаные», «Были бы бумажки, будут и милешки» и т.д.

В соответствующих случаях к написанному тексту выражается и недоверие: «Живое слово дороже мёртвой буквы», «Уела попа грамотка», «В протоколе густо, а на деле пусто».

Подчас отношение к деловой бумаге становится осуждающим или явно пренебрежительным: «Пожар чернилами не зальёшь», «Бумага терпит, перо пишет», «Книга, а в ней кукиш да фига».

Русский мужик по природе насмешлив и не упустит случая посмеяться над хвастуном, неудачником, бесчестным писакой: «Пишет грамотки, да просит памятки», «По грамоте осёкся, да и цифирь не далась», «И сам тому не рад, что грамоте горазд», «Грамотей — не пахарь, не работник», «Мне бы денежек рупь (рубль), да бумажек с пуд, да золотца что-нибудь», «Попы за книжки, миряне за пыжки», «Бумажки клочок в суд волочёт», «Вертит пером, что веретеном (что черт крючком, хвостом)», «Врет по-печатному. Врет, как газета» и т.д.

По пословице «Пророк Наум наставит на ум» можно сделать вывод о том, когда в России начинался учебный год: 1 декабря; с этого дня дети начинали ученье. **Русский писатель и этнограф А.А. Коринфский подробно описал этот обряд.**

Детей раньше обычного будили, приговаривая: «Просыпайтесь ранёхонько, умывайтесь белёхонько, в Божью церковь собирайтесь, за азбуку принимайтесь! Богу помолитесь — до всего дойдёте: святой Наум наставит на ум!».

Обучение рассматривалось как событие общесемейного значения.

Первый день обучения происходил на глазах всей семьи. После молебна, на который отправлялись в полном составе, ожидали прихода учителя. Встречали учителя «с почётом и ласковым словом, сажали в передний угол с поклонами». Отец подводил сына к учителю, передавал из рук в руки, просил научить уму-разуму, а за леность — «побоями». Обычай требовал, чтобы мать в это время стояла в отдалении и заливалась слезами и причитаниями. Ученик отдавал учителю три земных поклона, каждый из которых сопровождался ударом заранее припасённой плётки. Этим авансом предупреждали возможную нерадивость и давали реальную возможность понять, что учение — труд далеко не праздничный и весьма ответственный. После этого матушка усаживала своё чадо за стол и давала ему костяную указку. Учитель принимал строго-внушительный вид, развёртывал свой букварь, и «начиналось велемудрое учение»: разъяснялась буква «азъ». Мать снова принималась плакать, умоляя «не морить сына за грамотой». Учитель шёл ей навстречу, и первый урок заканчивался. Букварь заворачивали в холстину и укладывали на самое почётное место — за божницу, за святые иконы. Успокоившаяся мать принималась угощать учителя «чем Бог послал», а затем ему преподносили гостинцы: каравай ситного хлеба — от хозяина и полотенце — от хозяйшки. Если позволяли средства, то в полотенце завязывали пятак. Учителя

с поклоном провожали до ворот. Этим ритуал, введённый Домостроем, завершался. Можно сказать, что первый день введения в науку был запоминаем, выполнял воспитательную функцию и изначально прививал у детей трепетное отношение к грамоте, обучению как наиболее важному и ответственному в их жизни процессу, сызмала формировал в сознании высокий авторитет книги.

Пословицами подчёркивается, что освоение грамоты — большой труд: «Сперва аз да буки, а там и науки», «Азбука наука, а ребятам бука (мука)», «Азбуку учат — во всю избу кричат». Школьник — предмет пословиц «Не выучит школа — выучит охота (нужда)», «Краденое яйцо школьнику слаще».

Недостаточное знание грамоты осуждается: «Не на пользу читать, коли только вершки хватать», «Без складу по складам, без толку по толкам», «По складам, так не грамотей» и другие.

Судя по пословицам, нерадивое обучение грамоте наказывалось: «Фита да ижица — к ленивому плеть близится», «За аз да за буки, так и указку в руки [деревянной зострённой тростью наказывали тех, кто ленится]».

Тот, кто пишет слишком мелко, или, наоборот, слишком крупно, или неряшливо, осуждается: «Письмо — словно куры набродили», «Словно маку насеял (мелкое письмо)», «Пишет, словно разводы разводит (крупно и медленно)», «Писали писаки, а прочтут собаки», «Пишет, как чёрт шестом по Неглинной²».

Насмешка над чьей-либо полуграмотностью выражалась пословицей «Как он — кон, буки ерык — бык, глаголь аз — глаз». На самом деле сочетание букв «како — он» даёт не «кон», а всего лишь «ко»; сочетание «буки — ерык» — не «бык», а «бы»; от соединения букв «глаголь — аз» производится всего лишь бессмысленное выражение «га». К тому же классу можно отнести пословицу «Ни складу по складам, ни толку по толкам».

Народ отдавал отчёт, что научить грамоте можно не всех; он зафиксировал это в пословицах, подчас грубоватых: «Много на свете дураков: всех не перечтёшь, не токмо что не переучишь», «Дурака учить, что на воде писать», «Для умного печать, для глупого замок», «Дураку закон не писан».

Существуют пословицы, посвящённые самым примитивным знакам — меткам: «Заломить было ветку да поставить метку». Есть также пословицы — и их значительно больше, —

² Имелась в виду речка Неглинная в г. Москве: сидя в лодочке, переправляющиеся через реку правили шестом.

посвящённые отдельным буквам. Так, в роли «красного словца» выступает пословица «Ер да еры — упали с горы, ерь да ять — некому поднять». Вот ещё примеры такого рода пословиц: «Иже не ври же, Фита не болтай!», «От аза до ижицы [т. е. из конца в конец; и вдоль и поперёк]», «Аз да буки, да и конец науке», «Что ни бай, а писать “веди” нужно». Эмоциональное отношение к надоевшему, скучному делу передано образом букв: «Аз-алашки, буки-букашки (барашки), веди-валяжки, глаголь-голяшки».

Существует даже пословица, в которой используются знаки препинания: «Где чихнуть пришлось — запятая; где икнулось — двоеточие, а где табаку понюхать — точка».

Есть пословицы о материале и инструментах письма: «Перо скрипит, бумага молчит», «Прочитать от доски до доски» (В.И. Даль поясняет: переплёт книг встарь был дощатый), «Писал Макарка своим огарком», «Это вилами по воде писано», «Думает плотник с топором да писака с пером», «Пиши на трубе мелком (угольком)», «Пиши на воде (на пне)».

Наиболее частым реквизитом письменного документа выступает печать: «Слово лучше (крепче) печати».

Из видов документов, представленных в пословицах, чаще всего встречаются грамота, письмо («Идёт грамота неписана, дана читать незрячему», «Тарабарская грамота» (всякое цифирное письмо)).

Довольно широко представлена книга. Вместе с мотивом чтения зафиксировано 54 пословицы такого рода. В пословицах отражены конструктивные особенности книги: «Книга — в ней два листа, а середка пуста». Но значительно чаще пословицы отражают семантическую³ и аксиологическую⁴ составляющие книги.

С одной стороны, в этих пословицах отражён высокий престиж чтения и читателя: «Молод, да стары книги читал», «Лучше печатного не скажешь. Говорит, как книга», «Кто много читает, тот много знает», «Кто знает аз да буки, тому и книги в руки».

Отмечены и аксиологические качества книги как социальной ценности: «Книга — друг человека», «Книги не говорят, а правду сказывают», «Одна книга тысячу людей учит», «Книги читать — скуки не знать», «Книга в счастье украшает, а в несчастье утешает», «Не красна книга письмом, красна вымыслом» и т.д.

³ Семантика — наука, которая изучает смысл букв, слогов и слов.

⁴ Аксиология (от греч. слова «ценность») — теория ценностей, раздел философии.

С другой стороны, народная мудрость предостерегает от только чисто книжного знания: «Книга книгой, да и своим умом двигай», «Не всякий, кто читает, в чтении силу знает»; от чрезмерного увлечения чтением: «Книги читай, а дела не забывай», ущербного её восприятия: «Хороша книга, да начетчики плохи». Отмечается, что чтение — это большой

труд: «Книги читать — не в ладушки играть».

Предметом пословиц являются также: челобитная («Не складна челобитная складом, а складна указом»), ревизская сказка («Полно чужих коз считать: ведь не сказку (не ревизию) писать»), указ («Я бы ему именным указом запретил думать»), уложение («Уложение читает, а дела не знает»), закон («Дураку закон не писан», «Беззаконным закон не писан»), игральные карты («Умён, как поп Семён: книги продал, а карты купил, забился в овин да играет один»).

Кристина НЕВЕРОВА,

МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 49, 2 «а» класс

«У Елены Премудрой была волшебная книга»

(На конкурс «100 сказок о книге и чтении»)

От председателя жюри Ю.Н. Столярова:

Дорогая Кристина! Большое спасибо тебе и за сочинения, и за яркие рисунки. Сегодня мы публикуем твою работу по «Сказке о Елене Премудрой». Вторая твоя работа поразила нас тем, что ты прочитала не только сказки о Бабе Яге, но и научную литературу о сказках. Ведь труды М.Д. Чулкова, М.Н. Макарова и других ученых — такие толстые.

Я прочитала много сказок из сборника «Народные русские сказки» Александра Николаевича Афанасьева. Больше всего мне понравилась сказка о Елене Премудрой. Так как Елена Премудрая — умная, красивая, и у неё была волшебная книга, которая помогала ей творить разные мудрости.

В начале сказки описывается башня с часами, закрытая на замок и печатью запечатанная. Из этого можно сделать вывод, что в стародавние времена люди уже умели делать печати, знали время и умели считать.

Далее автор¹ описывает солдата, который пожалел нечистого духа и выпустил на свободу,

хотя знал, что «вся его служба ни за грош пропала», и что ему делать дальше, он не знает.

Вдруг появляется это мифическое существо — нечистый дух, который на месте не сидит, а всё по свету рыщет да людей на грех наводит. Он помогает солдату, то есть отвечает на добро добром. Нечистый дух уносит солдата в тридесятое царство — в белокаменные палаты.

Далее действие происходит где-то далеко-далеко, в другом, волшебном мире. Там солдат встречает трех красавиц, которые хотят быть не только красивыми, но и умными, мудрыми, хитрыми. Для этого они каждую ночь превращались в трех голубок и летали на уроки к Елене Премудрой. Из этого можно сделать вывод, что в те далекие времена народ стремился учиться мудростям и любил хорошие песни. Это мы видим на примере птички-малиновки, в которую обернулся солдат. Она пела каждую ночь так хорошо да жалобно, что Елена Премудрая целую ночь и глаз не смыкала — всё слушала.

Простому солдату, чтобы завоевать любовь Елены Премудрой и не потерять своей головы, пришлось учиться у нечистого духа разным хитростям и мудростям: превратиться в булавку и проникнуть в волшебную книгу, то есть стать таким же умным, хитрым, мудрым, как и Елена Премудрая, и только тогда они «зажили себе припеваючи».

¹ Сказка — народная, одного определенного автора у сказки нет. Ну, ничего, такие оговорки бывают и у взрослых сочинителей.